

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 111—120.

Economic and Social Research. 2024. No. 2 (42). P. 111—120.

Научная статья

УДК 111.85

doi: 10.24151/2409-1073-2024-2-111-120

<https://elibrary.ru/vevdgb>

Бытие природы как объект эстетической трансформации

Е. В. Гришанова

Донбасский государственный университет юстиции, г. Донецк, ДНР, Россия

katyushka.0312@mail.ru

Аннотация. Исследуются особенности эстетизации природного бытия в акте творчества. Рассмотрены аспекты эстетического понимания природного бытия в мировоззренческих системах различных исторических периодов — в античной философии, авраамических религиях, философии всеединства, а также в современной экологической эстетике. Прослежено развитие понимания красоты природы и сущности творчества в философии всеединства. Особое внимание уделено анализу вопросов современной экологии творчества и экологической эстетике. Сделан вывод, что понимание природы как основной фактор формирования эстетических воззрений и творчества в философии всеединства расширяется до измерения природного бытия в целом (Космоса), а в экологической эстетике принимает характер культурного концепта. Трансформация понимания творчества проходит путь от ино-бытия в его основе до незавершенности творения в его принципе и универсальности его антиэнтропийного потенциала.

Ключевые слова: эстетизация бытия, красота, природа, творчество, культура, сознание, искусство, мировоззрение, экологическая эстетика

Для цитирования: Гришанова Е. В. Бытие природы как объект эстетической трансформации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 111—120. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-111-120> EDN: VEVDGB.

Original article

Natural existence as an object of aesthetic transformation

Ye. V. Grishanova

Donbass State University of Justice, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia

katyushka.0312@mail.ru

Abstract. The author investigates the peculiarities of the aestheticization of natural existence in the act of creativity. Aspects of the aesthetic understanding of natural existence in ideological

© Гришанова Е. В.

systems of various historical periods are considered — in ancient philosophy, Abrahamic religions, philosophy of unitotality, as well as in modern environmental aesthetics. The development of understanding of the beauty of nature and the essence of creativity in the philosophy of unitotality is traced. Particular attention is paid to the analysis of issues of modern ecology of creativity and environmental aesthetics. It has been concluded that the understanding of nature as the main factor in the formation of aesthetic views and creativity in the philosophy of unitotality expands to the dimension of natural existence as a whole (Cosmos), and in environmental aesthetics it takes on the character of a cultural concept. The transformation of the understanding of creativity goes from Inexistence at its core to the incompleteness of creation in its principle and the universality of its anti-entropic potential.

Keywords: existence aestheticization, beauty, nature, creativity, culture, consciousness, art, worldview, ecological aesthetics

For citation: Grishanova Ye. V. “Natural Existence as an Object of Aesthetic Transformation”. *Economic and Social Research* 2 (42) (2024): 111—120. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-111-120> EDN: VEVDGB.

Категория творчества лежит в предметной области одновременно нескольких сфер знания — философии, психологии и теории культуры. Творчество является глубоко человеческим актом и направлено на созидание нового, способствующее развитию общества и культуры. В истории философской мысли сложилась традиция противопоставления культуры и природы. Обращаясь к этому вполне понятному и обоснованному противопоставлению, важно понимать, что оно имеет диалектическую сущность. И в этом смысле противопоставление культурного и природного бытия неотделимо от осознания их глубокой связи и единства, которое проявляется, прежде всего, в творчестве — художественном, научном, техническом, социальном и др. Именно природа во все времена вдохновляла человека на созидание и творение нового, будучи важнейшим фактором формирования идей, образов и эстетических идеалов.

В философском знании проблема творчества является одной из наиболее обсуждаемых и вместе с тем требующих более глубокого и системного осмысления. Среди авторов, которые исследовали вопрос связи творчества с природным бытием, следует выделить П. Л. Бергера [14], Е. С. Вернигорову [1],

И. А. Герасимову [2], Э. Грегори [15], Ю. А. Гусеву [3], С. Дугласа [4], Н. А. Киселёву [6], В. С. Кузнецову [7], И. М. Невлеву [10], Л. Немоджински [16], О. Ю. Нестерову [11], В. С. Соловьёва [12], В. И. Фалько [13]. При наличии достаточно большого числа работ, посвященных творчеству в натурфилософском контексте, степень изученности данной категории оставляет поле для дальнейших исследований в силу ее широкой специфики.

Красота в античном мире была неотделима от понятия Космоса (греч. κόσμος — прекрасный, украшенный). Космоцентризм — черта, характеризующая всё античное мировоззрение. Космоцентризм древнегреческой мысли предполагал восприятие природного бытия как гармоничного и замкнутого целого. Большой мир — макрокосм, отражается в человеке как в микрокосме (малом космосе) и соотносится с ним по принципу подобия.

Античная эстетика, как и античная философия в целом, сформировалась на основе архаической мифологии. В поэзии Гомера красота выступала божеством, а творение мира — уделом богов древнегреческого пантеона. Боги в поэзии Гомера являлись космическими принципами, лежащими в основе Космоса как произведения искусства,

а также в основе человеческого творчества как подражания космическому природному творчеству. Гомер изображал красоту как прозрачную материю или сияние, окутывающее предметы.

Греческим идеалом красоты и блага (которые мыслились как неразделимое целое) была калокагатия. Понятие калокагатии встречается уже у Бианта и Солона. Этот идеал имел аристократическое происхождение, был тесно связан с аристократической *ἀρετή* (доблесть, добродетель, достоинство физическое и нравственное, то же, что лат. *virtus*) и подразумевал совершенство телесного и духовно-нравственного облика в соединении красоты, мужества, благородства, военной доблести и разумности. В классической Греции калокагатия стала идеалом этическим, эстетическим, социально-политическим, философским и педагогическим.

Для Ксенофонта, который, как и другие греческие мыслители, философствовал о калокагатии, ее воплощением был учитель Сократ. Исходя из текстов Ксенофонта и Платона, Сократ часто затрагивал в своих беседах темы блага и красоты. Для Сократа красота выступала абсолютным совершенством, таким, которое выходит за пределы видимого бытия. Главной задачей искусства он считал подражание первообразу, а не видимой природе.

Важным аспектом, отличающим эстетику Древней Греции от эстетики Древнего Рима, в которой доминировали широта пространства, монументальность форм и грандиозность, является ориентация на замкнутость, изящество и завершенность. На заре формирования античной цивилизации искусство не уподоблялось ремеслам (*τέχνη* — ремесло, мастерство). Это повлияло на формирование идеи единства практического и неутилитарного эстетического восприятия произведений искусства.

Важно отметить, что к творчеству как созданию нового, перешедшего из небытия в бытие (*ποίησις* у Платона, творение нового

из небытия), было отнесено далеко не всё, что создавалось человеком искусственно. Ремесленник или художник не могут воплотить в своих произведениях идею предмета, а лишь копируют природу. Однако природные объекты обладают подлинным бытием, поскольку содержат в себе первообраз. Исключением являются, подчеркивает Э. Грегори, такие виды искусства, как поэзия и музыка, выступающие в учении Платона истинным творчеством, поскольку в них вложена частица души творца [15]. Творчество, искусство и познание невозможны без любви, присущей Творцу.

В отличие от Платона, Аристотель соотносил понятие «техне» с понятием «эпистеме» и подчеркивал, что искусственно созданная вещь сама себя не производит, поэтому в любом случае содержит идею творца и обладает истинным бытием (относится к «поэзису») [13, с. 96].

В целом, резюмировал А. Ф. Лосев, как для Платона, так и для Аристотеля характерна античная идея связи красоты с благом (калокагатия). Красота неотделима от нравственного содержания. Искусство проявляется как ремесло, мастерство (*техне*) и как творение нового из небытия (*поэзис*). Как *техне*, так и *поэзис* восходят к красоте Космоса — всего природного бытия. Не случайно в более позднее время в работах стоиков (в частности, у Хрисиппа) выражения «жить по природе», «жить прекрасно» и «жить хорошо» имеют тождественный смысл [5, с. 386]. Античное понимание красоты стало одной из основ эстетического мировоззрения современного мира, в том числе — научного мировоззрения. Профессор И. А. Герасимова подчеркивает: «Важнейшие понятия современной науки — система, ритм, цикл, аналогия, симметрия, пропорция, число — древнегреческого происхождения. В них отражено понимание красоты как созидающего принципа мироздания, гармоничной целостности природы и человека» [2, с. 116].

Понятие «творчество» имеет фундаментальный онтологический статус, поскольку в нем заключена суть бытия человека в мире как высшая форма его проявления — создание нового. Творчество, в понимании его сути, неотделимо от понятия красоты. Само восприятие красоты в природном и культурном бытии уже есть творческий акт, который нашел отражение в религиозных мировоззренческих системах, ставших основой для формирования духовной культуры мировых цивилизаций. Этот вопрос заслуживает отдельного исследования. Мы лишь очертим контур отображения вопроса творчества и природного бытия в контексте авраамических религий — монотеистических систем, восходящих к патриарху Аврааму и включающих прежде всего иудаизм, христианство и ислам.

Каждая из религиозных систем отличается эстетическими особенностями. Иркутский исследователь В. С. Кузнецова приходит к выводу: «Религиозное искусство закрепляет эксклюзивизм той или иной религии или конфессии. Если изнутри религии канон можно считать вероучительным, то на внешнем уровне канон — это опознавательный знак, позволяющий определить религиозно-конфессиональную принадлежность другого» [7, с. 45—46]. Вместе с тем, пишет П. Л. Бергер, общей чертой, характеризующей восприятие природного бытия во всех авраамических религиях, является то, что сотворенный мир и сам Творец — это совершенно разные онтологические категории. Творец не отождествляется с творением и находится вне мира [14]. Существует предположение, что такое понимание соотношения Творца и творения сформировалось еще в Древнем Египте. Эта точка зрения представлена сторонниками идеи афразийской цивилизации (термин И. М. Дьяконова), которая зародилась на древних территориях юго-восточной Сахары, Западной Азии и Северной Африки. В Древнем Египте верховный правитель (фараон) уподоблялся

божеству. Причем сущностно его правление не соотносилось с миром и не было обусловлено его закономерностями. Фараон был единственным, кто обладал свободой. В дальнейшем вопрос соотносительности Творца Творению ляжет в основу доктрин иудаизма, христианства, ислама.

В исламе существует термин «харам» (букв. «запретное», «огороженная территория») для обозначения понятия греха. Человек не может сделать ничего сверх того, что предписано, не нарушив при этом заповеди. Человек как подобие Бога также противопоставлен миру природы, что обусловило, в частности, специфику европейского искусства (не только религиозного, но и светского), в котором фигуры людей четко выделяются на фоне пейзажа. Для сравнения обратимся к традиционной китайской и японской живописи, где фигуры людей «вписаны» в окружающий ландшафт, т. е. не выделены. Мировоззренческим идеям буддизма, даосизма и конфуцианства свойственно понимание человека как неотъемлемой части природного бытия.

В авраамических религиях Бог трансцендентен и ино-природен по отношению к миру. Частица этой ино-природности, считает Л. Немоджински, есть и в человеке, тело которого Создатель наделяет душой, которая является вечной [16]. При этом, замечает В. Н. Мунгалов, «поскольку человек всего лишь образ и подобие Бога, то у его сотворения должна быть какая-то цель, о которой можно лишь в общем сказать, что цель эта — великая, и она находится в Боге. Человек в христианстве и иудаизме предстает как слуга Бога, в исламе как покорный Богу» [9, с. 146]. В цивилизационном пространстве (культуре) ислама существовал запрет на изображение одушевленных существ (людей и животных), что привело к развитию орнаментальной живописи и декора. Бесконечно повторяющийся рисунок орнаментов в мечетях помимо эстетического имел еще и философский смысл: символическое изображение

материи в аристотелевском ее понимании, как вечной, движущейся и заполняющей собою всё пространство («природа не терпит пустоты»).

В средневековой западной цивилизации изображать живые существа не запрещалось, но изображения были нарочито схематичными, поскольку служили лишь образом, который должен отсылать к первообразу — красоте Творца, отражающейся в предметах сотворенного мира.

В эпоху Возрождения, с воцарением идеи пантеизма, искусство переживает свой расцвет, поскольку считается, что, наблюдая за природным бытием, его красотой и гармонией, человек познает Творца и сам реализуется как творец. Не случайно высшим из ренессансных искусств является живопись.

В результате секуляризации в западной культуре место Бога в модели мироустройства вытесняется человеком (общественными ценностями). Отсюда — стремление завоевать природу, поставить ее себе на службу с помощью науки и техники (знаменитый лозунг Нового времени, озвученный Ф. Бэконом, — «Знание — сила!»), что в дальнейшем порождает экологические проблемы и, как следствие, диалектический поворот к природе, проявившийся в экологической эстетике, актуализации ноосферного мышления, в риторике, направленной на защиту окружающей среды и т. п.

Проблемы творчества и эстетики занимают важное место в философии всеединства, восходящей к древнегреческой натурфилософской традиции и сформированной в трудах В. С. Соловьёва, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка и других мыслителей. Красота природы предшествует красоте (предвосхищает красоту) в проявлениях культуры, в том числе воплощенную в произведениях искусства. В. С. Соловьёв писал в своей работе «Красота природы»: «Из двух областей прекрасных явлений, природы и искусства, мы начнем с той, которая шире по объему, проще по содержанию и естественно

(в порядке бытия) предшествует другой. Эстетика природы даст нам необходимые основания для философии искусства» [12, с. 52]. Для мыслителя красота явилась главным показателем истинности искусства как отражения истинности бытия. Эстетическое учение В. С. Соловьёва характеризует ренессансный подход к творчеству. Он проводит параллели между земным творчеством и божественным творением мира. Единство творческого акта на любом уровне реализации заключается в снятии противоречий между противоположностями. При этом мыслитель делает акцент на классическом эстетическом триединстве, характерном еще для античной эстетики, а именно — единстве Истины, Добра и Красоты. Полноценную онтологическую модель в философии В. С. Соловьёва категория красоты получает только в единстве Бога, природы и человека, подчеркивает Е. С. Вернигорова [1, с. 10]. Сама красота неизменна и божественна: здесь важно понимать теологическую трактовку Бога как абсолютного совершенства, в котором не может быть градаций. Но проявление прекрасного в природном и культурном бытии может и должно меняться. В. С. Соловьёв пишет: «...Нет никакого основания для мыслящего духа окончательно останавливаться на той ступени, которой мы не успели достигнуть в настоящую историческую минуту, хотя бы эта минута и продолжалась уже тысячелетия» [12, с. 52].

Обратим внимание на такой пример эстетизации природного бытия, как ювелирное искусство, в частности использование драгоценных камней в создании ювелирных произведений. По этому поводу В. С. Соловьёв пишет: «...Красота алмаза всецело зависит от просветления его вещества, задерживающего в себе и расчленяющего (развивающего) световые лучи, мы должны определить красоту как *преобразование материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала*» [12, с. 58]. Здесь следует уточнить, что свет в данном контексте мыслитель

воспринимает не столько как физическое явление, сколько как метафизический принцип, связанный с трансцендентным бытием. Свет соотносится с природными объектами так же, как в античной философии идея соотносится с материей. Без света — отблеска первичной истинной реальности — материя является косным и мертвым веществом. Свет образует различные сочетания с материей — механические (наружные) и органические (внутренние). При этом в эстетическом восприятии материальной природы философ усматривал мировое всеединство и приводил в качестве примеров направления восприятия женственную красоту лунной ночи, красоту ночного звездного неба, яркого полудня, красоту вечернего неба — оттенков заката, образованных при уменьшении центральной силы солнечного света.

Для эстетики В. С. Соловьёва и ряда других представителей русской философии (С. Н. Трубецкой, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк) характерны идеи, восходящие к гностической традиции. Так, высшим уровнем земной красоты для В. С. Соловьёва выступает Творение, озаренное божественным светом. Красота отличается от Истины и Блага тем, что в ней сочетаются два начала — духовное и материальное. Способность к совершенствованию форм, присущая материальному бытию, ассоциируется с Софией. Для В. С. Соловьёва София — это одновременно и философское понятие, и конкретный образ — воплощение высшей женской Красоты, о которой философ писал в поэме «Три свидания», рассказывая о том, что этот образ трижды являлся ему в видениях [1, с. 11]. Христос как Логос (слово Божье, согласно христианскому догмату о Троице) представляет собой созидательное начало Вселенной, «отражающееся от вещества снаружи как свет и изнутри зажигающее жизнь в веществе, образует в виде животных и растительных организмов определенные и устойчивые формы жизни» (Соловьёв В. С. «Красота в природе», цит. по: [3, с. 16]).

Идея всеединства как внутреннего органического единства бытия тесно связана с гностической философией. Гностический характер эстетики В. С. Соловьёва, замечает исследователь Н. А. Киселева, проявляется в идее перехода между различными уровнями красоты и совершенства. В гностицизме присутствует идентичная идея парадоксальной «неудачи» божественного творения, в результате чего природный мир оказывается незавершенным и поэтому не зависимым тотально от божественной воли, поскольку содержит элемент непредсказуемости, случайности в своей эволюции. Абсолютное совершенство не может колебаться и иметь переходы между своими состояниями, в то время как несовершенный и незавершенный сотворенный мир характеризуется такими колебаниями и переходами. Творческий акт человека подобен творчеству Бога, и в этом акте человек реализует свою свободу воли [6, с. 70].

Исследователь современных интерпретаций гностических идей С. Дуглас указывает на роль творческого воображения как на место встречи духа и души, оно порождает видимый феноменальный мир. Воображение — единственный способ борьбы с ложной реальностью, искаженной первородным грехом. В воображении снимаются противоположности природного бытия, что соответствует юнгианской психической целостности как реализованной *самости*. С. Дуглас пишет: «Когда достигается совершенное, гармоничное равновесие противоположностей, когда завершается мистический брак невесты и жениха, когда Христос и София воссоединяются в сизигии Христа—Софии, которая отражает Мать—Отца, и Единая Самость осознается, тогда сон заканчивается, созданный мир перестает существовать, а мы возвращаемся домой — в Плерому. Это гностическое воскрешение» [4, с. 231—232].

Итак, философия всеединства представляет красоту как часть триады «Истина — Добро — Красота», где красота, в отличие

от двух других элементов триады, характеризуется сочетанием духовного и материального начал. Божественная красота как сама идея красоты вечна и неизменна, вместе с тем красота творения характеризуется возможностью перехода между уровнями и степенями совершенства. Красота в природном бытии предшествует красоте (предвосхищает красоту) в бытии культуры. При этом свобода творчества восходит к гностической идее изначального несовершенства сотворенного мира. Именно поэтому мир природы — это история сложной борьбы противоположных начал, о чем свидетельствует вымирание миллионов видов животных и растений и появление новых. Реальность, воспринимаемая чувственно, является миром видимым и иллюзорным, преодолеть который можно только силой воображения. Красота косной материи зависит от ее наполненности светом как божественной нематериальной субстанции.

Современный мир — это мир новейших и постоянно меняющихся технологий, что, как никогда ранее, актуализирует вопрос творчества и инновационного мышления. Источником творческого поиска служит принцип умозаключения по аналогии. История технических инноваций человечества показывает, что практически все гениальные идеи были «подсмотрены» человеком у природы. Например, хобот слона и разработка роботизированной руки, или биолюминесценция некоторых животных и грибов и создание живых огней. Крыло самолета, акваланги, бумага и многие другие идеи, послужившие прогрессу, были почерпнуты в наблюдениях за природой. Искусство, культура и все грани социокультурного бытия возникли в результате формирования у человека способности к абстрактному мышлению. В связи с этим важнейшей задачей современной эпохи является изучение механизмов работы и путей формирования творческого мышления и инновационных идей. Дальнейшее развитие человечества

невозможно без опоры на знание экологии, что, в свою очередь, связано с понятиями «экологическая красота» и «экология творчества».

Творческое мышление и выработка творческого подхода к действительности невозможны вне творческой деятельности. Творчество предполагает восприимчивость к инновациям, преодоление стереотипов и гибкость мышления. В работе И. М. Невлевы выявлены следующие закономерности работы творческого мышления: «У людей “среднего ума” интеллект и творческие способности обычно тесно связаны друг с другом. У человека с нормальным интеллектом обычно имеются и нормальные творческие способности. Лишь, начиная с определенного уровня, пути интеллекта и творчества расходятся. Этот уровень лежит в области IQ, равного 120. <...> При IQ выше 120 корреляция между творческой и интеллектуальной деятельностью исчезает, поскольку творческое мышление имеет свои отличительные черты и не тождественно интеллекту. Творческое мышление пластично (т. е. творческие люди предлагают множество решений в тех случаях, когда обычный человек может найти лишь одно или два)...» [10, с. 285].

Творческая личность устремлена в будущее, способна чувствовать жизнь и преодолевать автоматизм и косность. Обращаясь к методологии психоанализа, можно сказать, что мораль и право подавляют природные инстинкты человека, вместе с тем психика руководствуется принципом удовольствия. Снять это противоречие можно именно через творчество. Говоря о понимании творчества в концепции К.-Г. Юнга, О. Ю. Нестерова пишет: «...Сущность творчества проявляется не в личных особенностях самого творца, а в том, что он олицетворяет в своей деятельности общечеловеческую природу» [11, с. 124].

Современный синергетический подход к пониманию мира породил более широкую трактовку творчества — как универсального

обновления, трансформации и перехода на новые уровни сложности. Творчество — это характеристика антиэнтропийного потенциала Вселенной. В животном мире творчество подобно изменению поведенческих сценариев с целью адаптации. Высший уровень творчества присущ человечеству, это творчество осознается сегодня неотделимым от природных оснований.

Экология творчества — это современное понимание творческой созидательной деятельности человека, основанной на таких ценностях, как природа, человечество и его устойчивое развитие, благополучие будущих поколений. А. В. Малиновский рассуждает о проблеме экологии творчества в аспекте творчества технологического: «Наряду с созданием природы важно уже сейчас добиваться природосообразных технологий, минимизации отходов и их негативного воздействия на биосферу. В этой связи одно из направлений технологий творчества видится нам в создании разумной цепочки, когда бы отходы одного производства стали сырьем для другого, а его отходы, в свою очередь, сырьем для третьего и т. д. Эта технологическая цепочка должна быть максимально оптимизированной» [8, с. 182].

Экологическая эстетика сформировалась на основе эстетики природы и представляет собой новое междисциплинарное направление науки, исследующее взаимосвязи природы и человека в глобальном культурном контексте. Термин «экологическая эстетика» является синонимом распространенного в англоязычной литературе термина *environment aesthetics* (эстетика окружающей среды). Здесь следует отметить, что понятие природы в работах, посвященных экологической эстетике, расширяется и включает не только естественную, но и технологизированную (например городскую) среду. В основе экологической эстетики лежит понятие экологической красоты. Это сложносоставная рациональная красота, которая состоит «в понимании структуры, функциональности,

целесообразности экологической системы» (Маньковская Н. Б. «Эстетика постмодернизма», цит. по: [3, с. 15]), что, продолжает А. Ю. Гусева, «сопоставимо с понятием концептуальной красоты в математике — это не только приятное чувственное впечатление, но и обязательное аналитическое усилие» [3, с. 15].

На основе эстетики Э. Геккеля российский исследователь А. Ю. Гусева составила классификацию типов экологической красоты по степени ее совершенства: простая, ритмическая, актиральная, симметрическая, биологическая, антропистическая, половая красота и красота ландшафта [3, с. 18—19]. Экологизм в ее классификации наиболее ярко проявляется на уровне красоты ландшафта, поскольку экология изучает именно вопросы гармоничного устройства пространства как места обитания.

Подведем итог соотношению природы и творчества в мировоззренческих системах. Природа с начала зарождения человеческой культуры являлась основным фактором формирования эстетических воззрений. Эстетическое чувство возникло у человека благодаря взаимодействию с природой. В античной философии источником красоты являлось всё природное бытие (Космос), а красота составляла неразделимое единство с истиной и благом. В религиозном мировоззрении авраамических религий красота природы понималась сквозь призму ино-бытия по отношению к ней Творца. Человек как подобие Создателя также был противопоставлен в этом контексте миру природы, но одновременно полагалось, что человек сам проявляет себя как творец.

Античное и авраамическое понимание красоты природы и сущности творчества развивалось в философии всеединства. Творчество в мире возможно благодаря принципиальному несовершенству и незавершенности творения. В творчестве осуществляется свобода воли и переход между различными уровнями красоты и совершенства. Философия

всеединства (В. С. Соловьёв и другие) во многом сформировалась на основе как античного, так и авраамического понимания картины природы, в гностической интерпретации. Для философии всеединства характерны идеи принципиальной незавершенности творения; единства красоты, истины и блага, где красота имеет как духовное, так и физическое измерение; понимание творчества и творческого воображения как прорыва к свободе, выхода за пределы природной обусловленности. Красота в природе возникает как отражение божественного света в косной материи.

В современном мире под влиянием таких факторов, как интенсивное развитие техники и нарастание экологических проблем, сформировалась экологическая эстетика (или эстетика окружающей среды) — междисциплинарное научное направление, исследующее взаимодействие природы и человека в глобальном культурном контексте. Центральным понятием экологической эстетики является экологическая красота. Она носит концептуальный характер и имеет различные уровни проявления (примордиальная, ритмическая, актиральная, симметрическая, биологическая, антропистическая, половая и красота ландшафта). При этом в экологической эстетике понятие природы расширилось до всего окружающего пространства в целом, а понимание творчества — до универсальной синергетической способности материи к самоусложнению.

Перспективным направлением исследований в данном контексте выступает связь экологической эстетики с глобальным устойчивым развитием, а также с формированием новейших социальных утопий.

Список литературы и источников

1. **Вернигорова Е. С.** Категория красоты в искусстве как отражение божественного начала в эстетической концепции В. С. Соловьёва // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 9—11. EDN: TIBRNL.
2. **Герасимова И. А.** Принцип красоты в науке // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30. № 4. С. 116—132. EDN: OPDQMJ.
3. **Гусева А. Ю.** Экологическая красота: к вопросу о возможности типологии // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 1 (18). С. 13—23. EDN: UМАУНL.
4. **Дуглас С.** Апокалипсис вынужденных гностиков: Карл Г. Юнг и Филип К. Дик. М.: Касталия, 2022. 258 с.
5. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики: в 8 т. Т. 8. Кн. 2: Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1994. 690 с.
6. **Киселёва Н. А.** Гностические корни идей и образов любви в философии В. С. Соловьёва // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 3 (7). С. 68—76. EDN: SGGEQC.
7. **Кузнецова В. С.** Искусство авраамических религий и его роль в религиозных процессах // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 1. С. 31—51. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-1-31-51> EDN: ZWYZUZ.
8. **Малиновский А. В.** Экология творчества // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2005. № 1 (17). С. 180—184. EDN: PDTDOZ.
9. **Мунгалов В. Н.** Мировоззренческие различия буддизма и авраамических религий // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 145—148. EDN: SQTITT.
10. **Невлева И. М.** Философия творческого поиска — космогенез, вселенское вечное совершенствование // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 2 (121). С. 282—292. EDN: RDUPHN.
11. **Нестерова О. Ю.** Природа творчества в философии психоанализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 123—125. EDN: YMSEKV.
12. **Соловьёв В. С.** Красота в природе. Смысл любви. М.: Карамзин, 2018. 134 с.
13. **Фалько В. И.** «Техне» и «поэзис» в античной и современной философии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 95—106. EDN: QEPDBZ.
14. **Berger P. L.** The Social Reality of Religion. London: Faber and Faber, 1969. 239 p.
15. **Gregory A.** Early Greek Philosophies of Nature. London et al.: Bloomsbury Academic, 2020. XIV, 242 p.
16. **Nietmoczynski L.** Nature's transcendental creativity: Deleuze, Corrington, and an aesthetic

phenomenology // American Journal of Theology & Philosophy. 2013. Vol. 34. No. 1. P. 17—34. <https://doi.org/10.5406/amerjtheophil.34.1.0017>

References

- Vernigorova E. S. “Category of Beauty in Art as a Reflection of the Divine Principle in Aesthetic Concept [of] V. S. Solovyov”. *Kul’turnoe nasledie Rossii = Cultural Heritage of Russia* 2 (2014): 9—11. (In Russian). EDN: TIBRNL.
- Gerasimova I. A. “Principle of Beauty in Science”. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 30.4 (2011): 116—132. (In Russian). EDN: OPDQMJ.
- Guseva A. “Ecological Beauty: To a Question about Possibility of Typology”. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul’tury = International Journal of Cultural Research* 1 (18) (2015): 13—23. (In Russian). EDN: UMayHL.
- Douglas Stuart. *The Apocalypse of the Reluctant Gnostics: Carl G. Jung and Philip K. Dick*. New York: Routledge, 2018. 212 p.
- Losev A. F. *Summation of Thousand-Year Development*. Vol. 8, book 2 of *Istoriya antichnoy estetiki*. Moscow: Iskusstvo, 1994. 690 p. (In Russian). 8 vols.
- Kiseleva N. A. “Gnostic Roots of Ideas and Images of Love in V. S. Solovyov’s Philosophy”. *Nauka. Iskusstvo. Kul’tura = Science. Arts. Culture* 3 (7) (2015): 68—76. (In Russian). EDN: SGGEQC.
- Kuznetsova V. S. “Religious Art of Abrahamic Religions and Its Role in Religious Processes”. *Sovremennye issledovaniya sotsial’nykh problem = Modern Studies of Social Issues* 13.1 (2021): 31—51. (In Russian). <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-1-31-51> EDN: ZWYZUZ.
- Malinovskiy A. V. “The Ecology of Creativity”. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Altai State Agricultural University* 1 (17) (2005): 180—184. (In Russian). EDN: PDTDOZ.
- Mungalov V. N. “The Ideological Differences between Buddhism and the Abrahamic Religions”. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii = Psychology in Economics and Management* 1 (2014): 145—148. (In Russian). EDN: SQTITT.
- Nevleva I. M. “Philosophy of the Creative Search: Cosmogogenesis, Cosmic Eternal Development”. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin ser. Philosophy. Sociology. Law* 2 (121) (2012): 282—292. (In Russian). EDN: RDUPHH.
- Nesterova O. Yu. “Nature of Creativity in Philosophy of Psychoanalysis”. *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice* 5 (79) (2017): 123—125. (In Russian). EDN: YMSEKV.
- Soloviev Vladimir S. *The Heart of Reality: Essays on Beauty, Love, and Ethics*. Transl. by V. Wozniuk. Notre Dame, IN: Univ. of Notre Dame Press, 2020. xviii, 244 p.
- Falko V. I. “‘Techne’ and ‘Poetry’ in Ancient and Modern Philosophy”. *Izvestiya Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Tula State University ser. Humanitarian Sciences* 1 (2020): 95—106. (In Russian). EDN: QEPDBZ.
- Berger Peter L. *The Social Reality of Religion*. London: Faber and Faber, 1969. 239 p.
- Gregory Andrew. *Early Greek Philosophies of Nature*. London: Bloomsbury Academic, 2020. xiv, 242 p.
- Niemoczynski Leon. “Nature’s Transcendental Creativity: Deleuze, Corrington, and an Aesthetic Phenomenology”. *American Journal of Theology & Philosophy* 34.1 (2013): 17—34. <https://doi.org/10.5406/amerjtheophil.34.1.0017>

Информация об авторе

Гришанова Екатерина Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (Россия, ДНР, 283049, г. Донецк, ул. Лебединского, 9). ORCID: 0000-0002-0102-7526

Information about the author

Yekaterina V. Grishanova — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Humanities, Donbass State University of Justice (Russia, Donetsk People’s Republic, 283049, Donetsk, Lebedinskogo st., 9). ORCID: 0000-0002-0102-7526

Статья поступила в редакцию: 18.02.2024.

The article was submitted: 18.02.2024.